П. В. Бакуниным и А. А. Безбородко, а также умение ориентироваться в чиновной сфере, Львов стремился обеспечить карьеру и Хемницеру, и В. В. Капнисту, которого он устроил служить по почтовому отделению. Оба друга могли полагать, что престижная должность генерального консула радикально улучшит материальное положение Хемницера, который нуждался значительно больше, чем полтавский помещик Капнист. В торжественные дни воздвижения «Медного всадника» Фальконе уже из Смирны Хемницер с недоумением спрашивал Львова: «Скажи мне, пожалуйста, кому я одолжен присылкою мне по высочайшему повелению медали серебряной при письме от вице-канцлера на случай открытия монумента» (74).

Весь период пребывания Хемницера в Порте Львов был главным его адресатом. Еще не отработанная деятельность только что открывшегося консульства осуществлялась в значительной степени через личные письма Львова, которые заменяли иногда и газеты. Имея постоянный контакт с Безбородко и Бакуниным, он сообщал другу мнения начальствующих вельмож, вел финансовые дела и всю корреспонденцию Хемницера, который через друга передавал весточки родственникам и друзьям: «Приложенные незапечатанные письма, если хочешь, прочти; а потом отправь их, пожалуйста» (80). Львов был и тем человеком, которому тактичный от природы Хемницер позволял себе рассказать о невзгодах. «К домашним моим писать мне на сей почте некогда. Если кого увидишь из них, то скажи им, что я здоров, хотя, между нами сказать, грудь у меня и очень побаливает <...> Не проговорись, пожалуйста, моим старикам о здешних проказах; а то они перетревожатся. Я им ни слова» (83, 87).

Львов не только помогал Хемницеру правильно выдержать тональность официальных донесений, но и пристально следил за душевным состоянием друга, зная его подвижную и ранимую эмоциональную натуру. Некоторые фрагменты писем Хемницера создают представление о посланиях Львова, которые, к сожалению, пропали в Смирне вместе с другими бумагами умершего консула. Львов просил друга писать «обо всем», «не плакать», «не тужить», «не унывать», «не уставать». «Совет твой философической или умной, сравнивая силы наши с ниткою упругою, которую слишком тянуть нельзя, чтобы не прорвалась, так на тебя похож! Сколько прочих твоих дружеских советов и умных размышлений я при этом вспомнил!» (77). Перемежающиеся длительным молчанием последние письма Хемницера не на шутку встревожили Львова. «Теперь не говори, мой друг Николай Александрович, что я безответен и о себе как о безделье писать к тебе не намерен <...> теперь внемли раба своего Ивана; коли ж так по счастью моему случилось, что ты обо мне тревожишься: в сутерп ли мне здесь и проч., то скажу тебе, что очень и очень не в сутерп» (91), — писал за месяц до смерти Хем-